Паскина, Л. Там, где цветут эдельвейсы / Л. Паскина // Віцьбічы = Витьбичи. — 2000. — 15 февр. — С. 3.

ТАМ, ГДЕ ЦВЕТУТ ЭДЕЛЬВЕЙСЫ

Говорят, каждый рождается со своей судьбой. А еще говорят, что у каждого человека есть как минимум шесть вариантов – от наилучшего до наихудшего – как прожить свою жизнь, а значит, выбрать судьбу. Так уж получилось, что шестерых из семи детей в семье Мищенко из Оршанского района (четырех сестер и двух братьев) судьба навсегда притянула к белорусской земле, а вот самой старшей Юле были уготованы другие ветра, другое нездешнее яркое небо с крупными алмазными звездами, необозримый простор и пьянящий воздух трех океанов. Юля – второй ребенок в семье. Первую девочку звали Юлей, она умерла совсем маленькой, и когда родилась вторая девочка, отец настоял, чтобы ее назвали тем же именем. В детстве Юля говорила всем, что будет летчиком, чтобы улететь далеко-далеко... Почти так оно и вышло, хотя летчиком не стала. А судьба сложилась так, что хватило бы не на одну жизнь.

Черное море, синий океан

Все началось с того, что Юле попался на глаза отрывок какой-то газеты с объявлением. Севастопольское пароходство приглашало на работу поваров. Юля уже закончила кулинарное училище, работала в заводской столовой. Моря она никогда не видела и, тем не менее, решила написать по указанному в объявлении адресу. Ответа очень долго не было, она даже и ждать уже перестала, как вдруг прислали приглашение на работу. Собралась быстро, и вот через какое-то время она уже зачислена на рыболовецкий супертраулер «Апогей», экипаж которого насчитывал 240 человек, из них более 100 женщин. Ловили рыбу в морях, океанах. Здесь же на траулере были цеха небольшого завода по переработке рыбы: глубокую заморозку, копчение, филе, различные консервы – все делали на борту. Может, кто еще помнит такие названия, а может, даже и вкус, нототении, лобана…

Юля работала поваром. Ее способности быстро оценили. И в дальнейшем лично у нее никогда не было проблем уйти в рейс, хотя некоторые девчата рассказывали, что им приходилось делать кому-то подарки, давать взятки. Юле же руководство само предлагало рейсы на выбор.

Пять лет ходила она по морям и океанам. Побывала в Индийском, Атлантическом и Тихом океанах. Шесть раз пересекла Панамский канал, два раза была в Перу, довелось работать на знаменитых ревущих 40-х широтах в Индийском океане возле острова Киргилен, где шторма длятся по полгода…

Работа ей очень нравилась, устраивало все, деньги платили вполне приличные – за два рейса могла купить «Жигули». Возможно, осталась бы навсегда в пароходстве, но судьбе было угодно сделать новый поворот.

Нашлась завистница, которая и кусала ее по-бабьи исподтишка, и кусала… Юля не обращала внимания, но однажды на ее очередной укус: «Почему же ты такая красивая, а жениха все нет», ответила: «Почему же нет? Есть. Просто он за границей». И незамедлительно в особый отдел пароходства ушла анонимка.

Юля, действительно, была знакома с иностранцем – французом Жан-Клодом. Он работал на их судне в Индийском океане, изучал вопросы экологии. Юля очень нравилась ему. Жан-Клод даже говорил капитану, что хотел бы на ней жениться. Ну, а с Юлей как они могли общаться, если она не знала французского, а он русского языков?! Тем не менее, Жан-Клод писал письма, присылал открытки, которые Юля бережно хранила и брала с собой в рейс.

Анонимка сработала быстро. Корабль уходил в рейс, уже довольно далеко отошли от берега, как вдруг услышали шум мотора катера. «Наверное, очередного осведомителя нам подвезли», – перекинулись фразами Юля с корабельным врачом Сашей, стоя в этот момент на палубе. О том, что в каждом цеху, подразделении были осведомители, знали все. В прошлый раз не успели еще причалить, как на борт поднялись люди в штатском, уверенно прошли в радиорубку и извлекли из точно известных им мест тогда запрещенные книги Солженицына и Сахарова.

Катер затих, вскоре на палубу поднялись молоденькие высокие в тщательно отутюженных формах пограничники и человек в штатском. Прошли к капитану. А через минуту пригласили к нему и Юлю. «Арестовали меня красиво, – рассказывает Юлия Ивановна. – В сопровождении пограничников по сторонам, одного в штатском впереди, другого позади мы прошли в мою каюту, где сразу же нашли связку с письмами Жан-Клода. Доносчица оказалась в это время тоже в каюте. Она лежала на своей койке ни жива ни мертва – не ожидала, что ее анонимка так сработает. Под тем же конвоем меня с вещами ссадили с корабля, и больше в море я не была.

В Севастополе каждый день в течение недели должна была являться в КГБ. Незадолго до этого двое ребят с рыболовецкого судна остались за границей. В конце концов, со мной разобрались, сказали: «Пока вернется корабль, иди работай в рыбцех, а когда пойдешь в рейс, – будешь осведомителем». Я отказалась. «Тогда, – сказали мне, – за границу ты больше никогда не поедешь». Я взяла расчет и уехала домой в Белоруссию».

Дома, в Орше, конечно, все были рады видеть свою Юлечку – и родители, и сестры, и братья. На работу устроилась быстро, но привыкнуть никак не могла ни к коллективу, ни к зарплате. Однажды позвонили директору с военкомата, что есть три места на работу за границей – Венгрия, Германия, Афганистан. «Юля, – говорит директор, – не хочешь поехать?» О конфликте с КГБ она никому ничего не говорила, а тут заинтересовалась, действительно ли путь за границу ей закрыт навсегда? Но чтобы узнать, надо попробовать сдать документы. В военкомате сказали, что остался только Афганистан, и документы приняли! Юля уехала в отпуск в Севастополь. Там

подруга сообщила, что ее восстановили в пароходстве, ждут на работу, приезжай. «А про Афганистан и думать нечего. У нас уже гробы привезли», – подытожила она.

«Я так плакала тогда от несправедливости, – рассказывала Юлия Ивановна, – думала, приеду домой, заберу документы и вернусь в Севастополь. В Орше первым делом пошла в военкомат. Был четверг, как сейчас помню. Спрашиваю у военкома, когда отправлять будете? К Новому году, отвечает. Вот и хорошо, думаю, уволюсь и уеду. А в пятницу звонок из военкомата: «Собирайся, в следующий понедельник отъезд в Афганистан».

Хотела скрыть все от домашних, что едет в Афган, говорила, улетает в Венгрию. Но скрыть не удалось. Дома крик, плач: брат едет в Чернобыль, она – в Афган.

Перед отъездом зашла соседка и сказала Юлиной матери: «Пусть твоя дочка заглянет ко мне обязательно. Я дам ей молитву, и пусть она всегда с Юлей будет, если даже она в это и не верит!»

Листок с молитвой на протяжении всего времени был с Юлей, никому об этом она не рассказывала, но за 2,5 года нахождения ее в Афганистане ничего с ней не случилось.

Шахджойские будни

19 октября 1986 года самолетом из Минска она прилетела в Кабул. На пересадочном пункте было много народа. Только через 10 дней ее снова самолетом отправили в Кандагар, оттуда в местечко Шахджой, в 30 км от пакистанской границы, где советские войска охраняли участок дороги протяженностью 160 км. Их задача состояла в том, чтобы не пропускать караваны с оружием из Пакистана в Афганистан. В небольшом котловане, где температура воздуха достигала 60 – 70°, зажатом со всех сторон высокими непроходимыми горами, располагались два батальона: спецназ, десантники и вертолетная эскадрилья.

Духи не могли подобраться близко, и частенько устраивали провокации – подгоняли верблюдов и, прячась за ними, наблюдали за нашими военными. Обстрелы вели такие, что камни горели.

В Шахджое до вступления советских войск американцы вели горные разработки – здесь урановые породы выходили близко на поверхность, вследствие чего радиация была значительно повышена. Ребята получали облучение, 14 человек по этой причине были отправлены в Союз досрочно.

Но обо всем этом Юля узнает позже, а в первый день по приезде, улучив свободную минутку, решила пойти в горы за эдельвейсами и тюльпанами. Их было столько, что склоны казались словно украшенными к празднику.

Поднялась уже довольно высоко по склону, вдруг видит, снизу ей отчаянно машут руками. Подумала: «Наверное, кто-то приехал, надо стол накрывать». Вызвали к командиру. В белой кофточке с большим ярким букетом в руках она, улыбаясь, зашла к нему – вышла в слезах. Командир вырвал цветы из рук, бросил на пол, топтал их ногами и кричал: «Ты с ума сошла. Там же все заминировано. Еще белую кофту надела – мишень для снайпера! Только посмей еще раз пойти». И, уже успокоившись, сказал: «Мы тебе сами цветов нарвем».

Целый год Юля работала в Шахджое. Многое довелось увидеть – и тяжесть солдатской службы, и настоящую мужскую дружбу, и радость встреч, и горе утрат... Часто заболевали ребята гепатитом, часто погибали из-за своей неопытности на выходах. Один солдатик шел последним в группе, отвернулся воды попить – и пропал. Нашли через несколько дней, в ущелье, убитого,

заваленного камнями. У моджахедов кроме оружия были палки с крюками, которыми они умело орудовали и беззвучно убирали жертву.

Видела, как упал и всю ночь горел недалеко от их котлована в горах наш вертолет. А помочь ничем не могли. Моторесурс у машины был давно исчерпан. Неизбежная катастрофа произошла у всех на глазах.

В Шахджое наши спецназовцы и вертолетчики первыми взяли секретную американскую ракету «Стингер». Это было большим событием и удачей, поскольку за «Стингером» гонялись давно.

Вместе со всеми оплакивала двух десантников, умерших в горах от переохлаждения – не смогли вовремя забрать, и погибшую разведгруппу из 12 человек... Спецназовцы обнаружили караван душманов с оружием, устроили засаду, передали сообщение и рассчитывали на скорую подмогу. Наши вертолетчики уже получили команду «на взлет!», как налетел «афганец» – пыльная буря, когда на земле мгновенно образуется воронка и, разрастаясь, столб песка поднимается высоко в небо. Взлететь не смогли. Вызвали помощь из Кандагара, где были нормальные метеоусловия. Вертолеты прилетели, но поздно. 12 ребят были убиты, а тела их изувечены. Однако и душманам уйти не удалось. Более ста человек были уничтожены. Троим спецназовцам было присвоено звание «Героя Советского Союза», двоим – посмертно.

Всякое случалось. Но одно было неизменно – какие-то особые чистые, искренние отношения между людьми. Если кому-то приходила посылка – тут же оказывалась на общем столе.

Праздновали дни рождения, дни особых удач. Тут уже командиром была Юля Мищенко. Лучше и вкуснее ее никто не мог накрыть стол. И пироги были, и любимое блюдо именинника, и чебуреки, пельмени.

Однажды привезли мясо верблюда. Юля варила его 6 часов, а оно все равно осталось жестким, но ребята съели. По вкусу похоже на говядину. Черепах ловили, мясо у них нежное, ребята говорили, что напоминает куриное.

А еще ребята любили слушать, как Юля Мищенко поет. Голос у нее, как у Людмилы Зыкиной, низкий, сильный, мгновенно переносил солдатское сердце из душной афганской ночи в прохладный белорусский край.

Через год – первый отпуск. Мест в пассажирском самолете не оказалось. «Полетите с «грузом-200»? – спросили Юлю с подругой. Те согласились, не хотелось терять драгоценные дни отпуска. Страха перед «черным тюльпаном» не было.

Дворец Наджибулы

Из отпуска возвращалась с гостинцами – везла оршанское пиво, селедку, помидоры... Но в Шахджой уже не вернулась. Ей предложили работу в Кабуле во дворце Наджибулы, где дислоцировался Витебский 317-й полк. Дворец состоял из нескольких громадных сказочной красоты зданий, окруженных крепостной стеной. Однако и здесь были случаи, когда погибали наши солдаты прямо на посту.

В город выезжали только на машине, и только под охраной. Даже в магазине человек мог пропасть (в каждом – потайные выходы) и никто никогда не найдет его. Моджахеды гонялись даже за нашими собаками. Во дворце была овчарка Джек, ее привез с собой инструктор из Витебска.

Она за версту чуяла духов, не одну диверсию предотвратила, но, ни украсть ее, ни убить, ни отравить духи не смогли, а вот шестерых глупых щенков все же отравили.

Дворец периодически обстреливали, но это была уже другая служба. Здесь было больше женщин, хотя Юлия Ивановна Мищенко твердо убеждена, что на войне женщинам делать нечего. Женщины в военных условиях перестают быть женщинами. Они просто солдаты. А так не должно быть.

В Кабуле тоже оценили профессиональные способности старшего повара-инструктора Юлии Ивановны Мищенко. Медаль «За трудовое отличие» ей вручили на совещании офицеров, там, во дворце Наджибулы. Имеется много почетных грамот, в том числе Президиума Верховного Совета СССР, подписанная М. Горбачевым.

Возвратилась Юлия Мищенко в Витебск в 1989 году. С тех пор работает все в той же 317-й мобильной бригаде, старшим поваром. Несмотря на имеющиеся «афганские» льготы, квартиру получила только год назад благодаря помощи А. И. Скачкова, командира мобильных сил РБ.

Есть люди, общение с которыми не просто приятно. Хочется подольше оставаться в лучах их обаяния, укутаться в них, словно в теплую шаль, согреться самому. Все в Юле очаровывало – спокойная размеренная манера разговора, и вдруг, как девчонка, смутится, покраснеет, рассказывая, как там, в Афганистане, ребята просили ее спеть любимые песни, и как все-таки, несмотря на все запреты, дарили ей букеты тюльпанов и эдельвейсов. А еще подумалось, может, действительно две судьбы выпало прожить ей за одну жизнь?! Может, одна судьба своя, а другая судьба той сестренки Юли, в честь которой ее назвали и которой не удалось пожить на свете? Как бы там ни было, но ясно все же одно: судьба подчиняется человеку, если он этого хочет. И совсем не имеет значения, какая у него профессия.

Л. Паскина